

Виктор
ШКЛОВСКИЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ
В СТРАНУ КИНО

Scriptorium

**Виктор
Шкловский**

**ПУТЕШЕСТВИЕ
В СТРАНУ КИНО**

Факсимильное издание

Salamandra P.V.V.

Шкловский В. Б. .

Путешествие в страну кино. Рис. Д. Митрохина. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2015. – 58 с., илл. – (Scriptorium).

Очередной выпуск серии «Scriptorium» представляет собой факсимильное воспроизведение книги В. Шкловского «Путешествие в страну кино», впервые вышедшей в 1926 г. и с тех пор не переиздававшейся. Эта детская книга не только отразила увлеченность Шкловского киноискусством, но и является одной из наиболее удачных работ видного мастера книжной графики Д. Митрохина.

Виктор Шкловский

ПУТЕШЕСТВИЕ

В СТРАНУ

КИНО

РИСУНКИ Д. МИТРОХИНА

„ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА“

ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ
В СТРАНУ
КИНО

1944

«ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА»
МОСКВА ~ ЛЕНИНГРАД

Рисунки и обложка художника
Д. Митрохина. Отпечатано
в Гос. тип. им. Ив. Федорова,
Ленинград. Звенигород. 11
в количестве 5.000 экз.
Главлит № 50842. 3 1/2 л.

1926

ело было в Америке, в Калифорнии, в городе Лос-Анжелосе.

В Америке много городов, но Лос-Анжелос самый интересный.

Во-первых, это очень вкусный город: он весь окружен полями с земляникой.

Везут землянику оттуда во все города, и всюду хватает, только не на всех.

Но самое замечательное в Лос-Анжелосе — это то, что в нем есть целые улицы, в которых нельзя жить: дома на них имеют только одну стенку, а сзади дырка.

Дома эти с виду разные: есть египетские, китайские, индусские, есть там и Московский Кремль.

Во всех этих домах жить нельзя, а построены они для того, чтобы их снимать для кинематографа.

Живут в городе люди, работающие на кинематограф: актеры, парикмахеры, плотники, столяры, обойщики, бутафоры, умеющие делать шлемы из папье-маше, и все эти люди служат в 163 кино-фирмах.

Денег у этих фирм больше одного миллиарда золотых рублей.

Там есть очень знаменитые люди — живет там Джекки Куган, его снимают с 4-х лет, а сейчас ему девять.

У него собственный дворец и собственный автомобиль.

Платят ему так много, что его родители все время посылают его сниматься, и бедный Джекки до сих пор не умеет читать.

Еще живет там Бэби-Педжи, маленький актер 4-х лет, и знаменитая обезьяна Джо-Мартин.

Джо-Мартин умеет курить трубку, чистить сапоги, есть с тарелки, стрелять из ружья и ездить на слоне.

Не знаю, как Педжи, а обезьяна уже взбесилась, ее очень много снимают и совсем замучили — так, что она кусается.

Вот Чарли Чаплин — тоже в Лос-Анжелосе — никогда не кусается, он много работает, и его знают по всему миру, потому что он умеет заставлять людей смеяться.

Еще живет в Лос-Анжелосе Фербенкс. Фербенкс умеет прыгать на поезд, скакать на лошади, перелезть через стену, драться, и при этом не видно, что это ему трудно делать.

В кино, если актер упадет и разобьется, то об этом ведь вы никогда не узнаете: актеры играют, а их снимают на длинную, длинную ленту; если что-нибудь не выйдет, то кусок ленты вырезают. Иногда приходится одну сцену снимать до 30 раз, пока не выйдет все гладко.

Вот почему в кинематографе все актеры так хорошо бегают и прыгают — мы видим только их удачи.

А дома Фербенкс — я сам видел карточку — ходит весь облепленный пластырями.

Но Фербенксу платят хорошо.

Народу же в Лос-Анжелосе много, одних служащих 63.000 человек, и большинство из них живет плохо.

Хорошо платят только знаменитым актерам, а остальные получают обыкновенно по денно, пока заняты на съемке.

А если они не заняты, то им совсем не платят.

Так что они земляники не едят.

Поэтому они на все согласны: и в реку прыгать, и по льду бегать, и в огонь лезть, и вообще делать все, что им прикажут.

Больше всего им приходится ждать.

Соберут актеров, знаменитости опоздают, или режиссер еще не наладил освещение (во время съемки сцену освещают особенно сильными лампами, которые называются „Юпитерами“), или если съемка идет на открытом воздухе, погода может испортиться — и актеры ждут.

Погода в Калифорнии, впрочем, портится редко. Там чудное синее небо и много солнца, и вот поэтому-то там и устраивают съемку фильм почти все кино-общества.

Актеры чаще ждут не солнца, а режиссера, а еще чаще ждут они работы.

Вдруг обанкротится фирма, или публике перестанут нравиться большие фильмы, в которых занято много народа, — и сидят актеры без дела.

А в Лос-Анжелос приезжают все новые и новые люди искать счастья, прослышав о том, как хорошо платят Фербенксу, и о том, что маленький Джекки Куган ездит в собственном автомобиле.

Приезжают и сидят без дела и думают о том, что еще не скоро в Америке будет всем земляники поровну!

оезд шел по Калифорнии. Внизу серела гладкая дорога, зеленели пятна орошенной земли, зеленели сады, а иногда местность превращалась в безводную пустыню.

Коля Петров сидел на крыше и читал газету, в которую ему вчера завернули колбасу.

Сам он газет никогда не покупал. Это потому, что он сам был газетчиком; бегал по улице и кричал пронзительно: „Сенсационное столкновение аэроплана с грузовым пароходом“, или что-нибудь другое.

С тех пор он стал думать, что американские газеты врут, и смотрел на всякого, кто покупал газету, с сожалением, как на простака.

Но нужно вам объяснить, как попал Коля в Калифорнию.

Родился он не здесь, а в Ленинграде — тогда еще Питере — тринадцать лет назад.

Помнил он еще Обводный канал, круглую башню газового завода, зеленые откосы канала.

На траве в воскресенье, у воды, которая переливалась масляными кругами всех цветов, сидели люди, играли в карты, закусывали.

Но воскресенья бывали раз в неделю.

Впрочем, и в Америке воскресенья бывают не чаще.

В Америку Коля попал случайно.

Президент его не приглашал.

Рано умер на заводе Колин отец.хлопотали, хлопотали и определили Колю в приют.

В приюте очень скучно—как будто совсем нет воскресений—и стекла окон закрашены желтой краской.

Там Коля жил долго.

Потом в Питере стали стрелять, служащие куда-то убежали и даже открыли окна.

Была ранняя весна, небо было синее.

По улицам пробегали люди в штатских пальто, но с винтовками в руках.

Они бежали ежась и пригибаясь к земле.

Коле показалось, что они похожи на его отца.

Вечером света не было.

На другой день опять пришли служащие, сняли со стен портреты.

Сказали, что произошла революция.

Коля решил, что это что-то в роде воскресенья.

Потом стало голодно.

Детей повезли куда-то. Привезли в какой-то город и сказали, что это Омск.

Из Омска привезли во Владивосток.

По дороге часто слышно было, что стреляют.

Во Владивостоке начали опять стрелять. Колю со всем приютом посадили на пароход и отправили в Америку.

Коле было тогда восемь лет.

Улицы в Америке были совсем другие, чем в России.

Автомобили бегали так густо, что Коля первое время не решался переходить улицу.

Учиться в приюте было очень скучно. Коле больше нравилось рисовать на углах толстых учебников истории маленькие движущиеся фигурки.

Если взять потом такую книгу в руки и быстро пропустить ее угол под пальцем, то вы увидите, что нарисованная картинка ожила.

Коля убежал из приюта.

Убежал потому, что было скучно и ему захотелось в Россию, чтобы узнать, чем там у них кончилось — у тех, которые бежали по улице с винтовками.

Коле было уже 12 лет.

Он знал, что пароходы его даром не повезут, и решил сперва заработать деньги и ехать на золотые прииски искать счастья.

Потому что газетчиком много не зарабатываешь.

КАК ЕЗДЯТ В АМЕРИКЕ БЕЗ БИЛЕТА

На крыше, которую Коля выбрал для путешествия по Америке, было холодно.

Хотя Америка с крыши и была видна очень хорошо.

По дороге кондуктор заметил мальчугана.
— Слезай! — закричал он.

Тогда Коля побежал по крышам во весь дух вперед. Добежав до паровоза, он по лесенке спустился вниз, прыгнул на ходу на землю, пропустил мимо себя весь поезд и вскочил в последний вагон.

— Это ты ловко сделал, — сказал кондуктор, ловя его за шиворот на площадке, — но это старая штука, нас так не проведешь!

И он спокойно спустил Колю с поезда. Коля сперва побежал, чтобы не упасть, потом остановился.

Поезд уходил от него, виляя хвостом на поворотах. Тогда Коля посмотрел вокруг — было очень пусто.

Кругом во все стороны шли засеянные поля. Людей не было видно.

— Трудно ехать в Россию, — решил Коля.

И пошел пешком. К вечеру он подошел, сильно похудавши, к маленькому городку.

Ночлег

ыл вечер, а в Америке спать ложатся рано.

Коля, хотя он и русский, тоже был согласен лечь спать.

Но все двери были закрыты.

Коля шел по улице, засунув руки в карманы.

Внезапно он увидал, что одна дверь стоит полуоткрытой.

Не раздумывая долго, он вошел в нее и притворил ее за собою.

Щелкнул замок.

Коля поймал сам себя.

Тогда, со спокойствием человека, проехавшего на своем веку полсвета, он лег спать.

Спал он крепко, но видел страшные сны: ему все казалось, что он прыгает с поезда на поезд и кто-то снимает его все время кинематографическим аппаратом.

Когда Коля проснулся, было темно. По голоду он понял, что спал долго.

Тогда он встал, протянул руки и вдруг испуганно закричал.

Стены комнаты были обиты железом.

Коля кинулся вбок и наткнулся в темноте на какое-то колесо, тогда он отпрыгнул назад и с криком начал шарить руками по стене.

Вдруг рука его наткнулась на электрический выключатель.

Коля повернул его.

Загорелся свет, и Коля увидел, что находится в проекционной будке кинематографа.

Только тогда он вздохнул облегченно.

все-таки вылезть было нельзя.

Дверь захлопнута. А окошечки, идущие в зрительное зало, такие маленькие, что через них может пролезть только кошка.

Коля понял, что ему придется сидеть в этой будке до вечера.

От скуки он начал шарить.

Нашел кожаную куртку механика и в кармане ее засохшую булку.

Булку он сразу съел.

После еды Коля повеселел и стал обращать внимание на аппарат. Потом открыл одну круглую коробку и нашел в ней длинную прозрачную ленту со снимками, идущими один под другим.

Коля сообразил, что фильма делается прозрачной, чтобы через нее мог проходить свет на экран.

Картинки, помещенные на фильме, служат для того же, что и картинки, которые он рисовал на углу книги. Каждая картинка немножко отличается от соседней.

Только, конечно, их не перелистывают, а лента с верхней катушки перекачивается на нижнюю.

Свет проходит через фильму, потом через увеличительные стекла и дает изображение на экране.

Лента движется потому, что в дырочки по краям
фильмы входят зубчики особых колес, которые, вра-
щаясь, тянут фильм за собой.

Время в будке шло очень медленно.

Коля все ближе и ближе подбирался к аппарату
и даже начал его разбирать.

Он снял верхнюю катушку, отвинтил в передней
части аппарата вращающуюся заслонку, значение кото-
рой никак не мог понять.

КОЛЯ ПРОИЗВОДИТ ОПЫТЫ

отом сообразил, что ему за это попадет, и кое-как поставил все на место.

А сам вспомнил, что у него в кармане есть еще табак, свернул папиросу и закурил.

Этому он научился, когда был газетчиком.

Коля так занялся своей папиросой, что и не услышал, как дверь открылась.

Кто-то вырвал у него из зубов папиросу и схватил за шиворот.

— Что ты тут делаешь, мальчишка? — сказал человек, вошедший так неожиданно.

— Прежде всего, — ответил Коля, — оставьте мой шиворот, вы не кондуктор, а воротник моей куртки чувствует себя нехорошо со вчерашнего дня.

Человек засмеялся и отпустил мальчика.

Коля рассказал ему, как он попал в будку.

— Я незнаком с вами, мистер, — прибавил он, — но думаю, что двери все же нужно закрывать.

Механик засмеялся.

— Но что ты сделал с моим аппаратом? — сказал он.

— Я собрал его, — с гордостью ответил Коля.

— Посмотрим, — сказал механик и завертел ручку аппарата.

Но на экране ничего не получилось.

Появились только какие-то бегущие пятна.

— Ты, щенок, не поставил обтюратора, — сказал механик.

И он объяснил Коле, что вращающаяся заслонка (обтюратор)¹ закрывает окошечко кинематографического аппарата в тот момент, когда картинки сменяют одна другую.

Лента же в аппарате движется с остановками.

¹ Смотри рисунок на стр. 56.

Она быстро проходит в тот момент, когда одна картинка сменяется другой (тут-то заслонка и закрывает отверстие аппарата), а потом останавливается на мгновение.

Всего в секунду проходит 15—20 картинок. А на экране не видно, как сменяются картинки.

Все это происходит очень быстро, так что мальтийский крест даже гудит от скорости.

Гудение его и слышно в зрительном зале.

— А почему заслонка имеет три крыла? — спросил Коля.

Механик ответил, что в тот момент, когда отверстие кинематографического аппарата закрыто крылом заслонки, то экран, конечно, темный; зритель не успевает увидеть это, но замечает мелькание.

Для того, чтобы уменьшить мелькание, можно было бы увеличить количество картинок, проходящих в одну секунду, но это способ дорогой.

Вместо этого делают у заслонки три крыла.

Одно крыло закрывает момент перемены картинки, а два перебивают саму картинку в то время, когда она стоит.

Таким образом, мелькание становится равномерным и менее заметным для зрителя.

— Это очень интересно, — ответил Коля, — но, знаете ли, я очень хочу есть. Булка в вашем кармане была совсем маленькая.

— Идем вместе, ты мне нравишься, мальчик, — сказал механик.

И они пошли в соседний ресторанчик.

Там Коля съел самый длинный хлеб, который только был, и несчетное количество картофельного салата.

Механик смотрел на него.

— Судя по тому, как ты ешь, — сказал он, — ты хороший работник. Хочешь остаться у меня работником?

— В Америке без билетов едут с остановками, — сказал Коля, — я останавливаюсь.

Итак, Коля ехал с остановками.

Механик, — фамилия его была Кегрес, — рассказал ему, что торопиться некуда; золотые прииски сейчас все скуплены богатыми людьми; чтобы искать там золото, нужно сперва купить участок, а потом привезти машины.

— Сиди тут, пока кормят!

Коля сидел, зарабатывал и даже купил себе новые ботинки.

Ехать приходилось с остановками. Впрочем, кинематографическая лента тоже едет с остановками.

Как хорошо ни работает кино-аппарат, но лента изнашивается, треплется и рвется.

Клеить ленту в душной будке в то время, как публика стучит ногами, очень трудно.

Но дело привычное, и производят его быстро: вырезают порванную картинку, зачищают ленту, накладывают конец на конец так, чтобы дырочка попала на дырочку, склеивают и снова пускают аппарат.

Служить в кино было скучно.

Но Коля рассматривал свою остановку, как временную. Вот, думает, опять меня захватит какой-нибудь штифт, и судьба моя повернется.

Интересно было только в те дни, когда приходили новые фильмы.

Городок, в который попал Коля, был захолустный. Но иногда сюда присылали очень хорошие фильмы. В Америке это называется „проба на собаках“.

Когда делают фильмы, то возможны неудачи. А неудачная фильма понижает славу общества, которое ее выпустило. Поэтому везут фильму в провинцию и здесь показывают ее без всякой рекламы, втихомолку.

Публику выбирают обычно, особенно для комических фильм, состоящую из мальчишек.

Если мальчишки смеются, то, значит, фильма будет иметь успех.

А если мальчишки скучают, то фильму переделывают или бракуют совсем.

Вот почему Коле удалось в захолустном кино увидеть самые замечательные американские фильмы.

Он видал Аллу Назимову, Гарри Ллойда, Чаплина, Джекки Кугана, Фербенкса.

Постепенно он так к ним привык, что не мог жить без кинематографа.

И тогда он решил ехать в Лос-Анжелос.

Он решил, что довольно ему стоять, нужно повернуть жизнь так, чтобы увидеть новую картинку.

Случай заставил Колю ускорить отъезд.

Задумавшись над прекрасной жизнью актеров Лос-Анжелоса, он зазевался и пустил ленту слишком быстро: вместо 20 снимков в секунду на экране появились 30—35, а снимок изображал похороны президента.

Казалось, что на экране все бегут, дамы не вытирали глаза платками, а натирали их с такой быстротой, с какой чистят сапоги щеткой.

Министры бегали на экране, как газетчики.

Лошади в черных пополах скакали.

На самом деле торопился один только Коля в своей будке.

За это его оштрафовали.

Но он не исправился.

В другой раз он размечтался так, что поставил фильму вверх ногами и пустил ее с конца.

Фильма была из хроники и изображала парадный обед.

Суп изо рта гостей ложками возвращался в тарелки.

Тарелки выливались в миски, бутылки наполнялись, жаркое составлялось из кусков, сигары втягивали в себя дым обратно и восстанавливались в прежней длине.

Публика хохотала и орала, потом развеселилась окончательно, встала спиной вперед, выбежала из зала к кассе и начала возвращать билеты и требовать деньги назад, говоря, что сегодня все пошло обратно.

Всем, кроме Коли и хозяина, было весело.

Коля не стал даже разговаривать с хозяином, а в общей суматохе вышел из кино.

Ничего он там своего не оставил и ничего с собой не взял. — Остается ехать в Лос-Анжелос, — решил он.

РАЗГОВОРОЧАПЛИНЕ

Никто так хорошо не знает расположения скамеек в городе, как безработный.

Коля скоро научился выбирать для сна тихие места, куда редко заходят полисмены.

Он научился спать не ложась и сохраняя вид задумавшегося, присевшего отдохнуть на скамейке человека.

Спать приходилось больше днем, а ночью Коля ходил по городу под подозрительными взглядами полицейских.

Раз, почти в полдень, его сон был прерван каким-то шорохом. Безработный на садовой скамейке спит чутко как заяц. Коля встрепенулся и выпрямился. „Спи спокойно, мальчик, — сказал новый сосед, — я постерегу, не подойдет ли полиция“.

И Коля заснул, даже не поглядев на лицо соседа.

Вдруг новый шум, уже шум большой толпы. Коля проснулся: через зелень, отделяющую скамейку от улицы, была видна необыкновенная суматоха, как будто охватившая весь город.

По середине улицы, на странном старомодном трехколесном автомобиле, стоя, ехал маленький человек с усиками, в котелке, пиджачке, спущенных брюках и с тросточкой через руку.

— Чаплин,—закричал Коля радостно, как деревенский мальчик, увидавший на улице города корову, — Чаплин!

Вокруг Чаплина громоздились фургоны, мотоциклы, автомобили, актеры; любопытные образовали невероятный ералаш, жадно снимаемый несколькими аппаратами.

— Да, это Чаплин,—сказал Колин сосед.— Это Чаплин пробует новый трюк. Он устраивает этот переполох уже не первый раз. Чаплин взыскателен и часто снимает по тридцати раз одну сцену.

— Это Чаплин, мальчик, смотри на него, ты, вероятно, для этого приехал в Лос-Анжелос.

Но Коля смотрел на соседа. Это был уже немолодой рабочий с усталым лицом и очень черными волосами.

Коля спросил:

— А вы знаете Чаплина?

— Да, я много знаю про него. Чаплин родился в Лондоне, в квартале бедняков. Его мать славилась своим искусством передразнивать походку и повадки окружающих.

Сам Чаплин рано начал играть на открытой сцене, сперва в пантомимах¹, потом перешел в кино. Я помню еще Чаплина на экране в цилиндре, с бородой. Но прославился Чаплин не таким, а вот в том костюме, который ты на нем видишь. Чаплин одевается сейчас под англичанина-неудачника, который в своем потертом костюме все еще хочет изображать джентльмена.

Но с экрана неудачник Чаплин побеждает богатых и нарядных людей, бьет их и осмеивает, и мы все любим Чаплина.

---

¹ Драматическое представление, где действующие лица не разговаривают, а объясняются жестами.

А ему теперь нет дела до рабочего, он зарабатывает сам миллионы в год, правда, ценой большой работы: все комедии Чаплина придуманы и поставлены самим Чаплиным, он работает много, а выпускает только по две фильмы в год, но это уже хороший товар.

— А вы кто? — не удержался от вопроса Коля.

— Я, — ответил сосед, — я неудачник не для экрана.

Ты посмотрел сейчас на мои слишком черные волосы... Они крашены.

Милый мой, ты, судя по выговору, иностранец и, может быть, не знаешь, что американский рабочий не имеет права стареть. Тебе легко будет найти работу в 18—20 лет, но 45-летний человек никому не нужен в Америке, потому что 45 лет для рабочего — это очень близко к старости.

И мы красим волосы и не смеем горбиться, когда ходим.

Я приехал в город, чтобы стать артистом кино. Годы я ждал удачи, изредка снимаясь, как статист. Я пропустил время, чтобы узнать ремесло. Сейчас я старый чернорабочий.

А для того, чтобы уйти из Лос-Анжелоса, я слишком много думал о Чаплине.

— Я тоже хочу быть смелым, — ответил Коля, почти не слушая своего соседа.

— Не советую, — ответил тот, — но поставить тебя на работу, на которой ты сможешь заработать на билет, чтобы уехать из этого города, где все нарочно, — это я сумею сделать. Знакомых в Лос-Анжелосе у меня много, и ты молод.

Коля нашел работу. Он поступил в монтажное отделение одной фирмы. Тут ему пригодился опыт кино-механика. При съемке кино-фильмы получаются сценки длиной в 5—25 метров.

А так как каждая картинка имеет высоту 20 миллиметров (а в ширину 25), то вы сами можете путем деления узнать, сколько в такой ленте отдельных снимков. Съемочный аппарат заключает в себе обычно катушку с 200 метрами пленки.

Съемочный аппарат вы себе легко представите, если вообразите, что к обыкновенному фотографическому аппарату спереди приставили приспособление для прерывистого движения фильма.

Так как со съемочным аппаратом приходится ездить и переносить его с места на место, то стараются сделать его так, чтобы он не занимал много места.

Обычно на одной и той же ленте делаются снимки с нескольких коротких сцен.

Чтобы потом легче было выделять такие отдельные сцены, в аппарате есть приспособление, которое

отмечает особой дырочкой момент, когда снимок сцены закончен.

Механизм съемочного аппарата приводится в действие при помощи вращения ручки.

Можно устраивать так, чтобы на один оборот рукоятки приходилось 8 (обычно), 4 или 1 снимок.

Как и во всяком фотографическом аппарате, и в кино-съемочном аппарате есть особое приспособление для наводки.

Съемки делают или на открытом воздухе, или в особых помещениях, называемых ателье.

В ателье снимают при свете сильных электрических ламп, которые зовутся „Юпитерами“.

Лента, которая употребляется при съемке, называется негативом.

После ее „проявления“ на ней получают такие снимки, в которых светлые предметы выходят черными, а темные — светлыми.

На негативе, например, снег выходит черным.

С негативной ленты печатают уже позитивную, при помощи электрического света.

Свет легко проходит через светлые части негатива и трудно — через темные.

Поэтому на позитивной ленте части, лежащие под светлыми частями негатива, темнеют, а лежащие под темными — остаются светлыми; в общем проявление киноленты происходит так же, как и проявление обычной фотографической пленки.

Но так как кинематографическая лента длиннее, то ее проявляют и сушат на огромных барабанах.

Если бы пустить длинный снимок, метров в 200, одной сценой, то публике было бы скучно.

Поэтому ленту „монтируют“ — составляют из отдельных коротких сценок.

Режиссер соображает, что после чего поставить и что чем перебить.

В кино-ателье снимают вовсе не в том порядке, в котором потом показывают на экране.

Кроме того, снимки делаются в разных местах.

Есть русская картина „Необычайные похождения мистера Веста в стране большевиков“.

В этой картине снята Москва, и в Москве показан завод.

Этот завод снят на Урале.

Значит, ленту собирают из кусков, в роде как коллекцию марок.

Клеют ее особым клеем, грушевой эссенцией.

На эту работу и пошел Коля.

Сидел он, клеил и удивлялся, сколько скучных мест есть на земле.

При монтаже сам Коля не видел, что у него получается.

А режиссер пускал смонтированную ленту в проекционный аппарат и часто после этого приказывал перемотировать ленту.

Обычно ленту после этого сокращали.

Иногда снова переснимали какую-нибудь сцену.

Приходили актеры и жаловались, что их „вырезали“ из ленты.

Особенно обижались артистки, если уничтожали их снимок „на первом плане“.

Коля слушал и думал: „А что бы вы сказали, если бы увидели пробу на собаках“.

Ему же так надоел кинематограф, что он решил, что будет свистать на всех просмотрах.

Из монтажного отделения Колю перевели делать надписи.

Надписи сперва набирают печатным шрифтом или пишут от руки.

Потом их ставят в небольшой и очень сильно освещенный ящик и снимают кинематографическим съемочным аппаратом, медленно вращая его ручку.

Так как на ленте все время получается один и тот же снимок, то потом на экране надпись кажется неподвижной.

Коля сидел и медленно вертел ручку.

Несмотря на синие очки, болели глаза.

А развлечения в этой работе не было никакого. В редкие свободные часы он уходил за город.

Но, кроме земляничных полей, вокруг Лос-Анжелоса не было ничего интересного.

Правда, были отдельные африканские пейзажи, русские деревни, китайские мостики, но все это кинематографическое.

А кинематографическому аппарату много не нужно, только столько, сколько он может захватить зараз в поле съемки.

Получались одни углы.

Идешь мимо — и винегрет из всего света.

Всего одни кусочки.

Раз Коле показалось даже, что он сошел с ума.

Идет по дороге и видит, что все деревья растут наискосок.

И так пол-версты.

Но вот видит: едет по этой дороге велосипедист и тащит за собой дамскую коляску, в ней мужчина и женщина да еще священник, который их венчает.

А сбоку, конечно, кино-оператор, и аппарат у него стоит нарочно криво.

Тогда понял Коля, что в кино эти криво посаженные деревья дадут впечатление, будто дорога идет на подъем.

Раз в воскресенье Коля ушел довольно далеко от города.

Было жарко.

Коля перелез через изгородь участка одной фирмы, разделся на берегу африканского пруда и сел, чтобы остыть.

— Спасите! — закричал кто-то из воды.

Коля посмотрел и увидел черную голову.

Голова таращила глаза и кричала:

— Спасите!

— Вот мерзавцы, в воскресенье снимаются, — сказал Коля.

— Тону! — закричал негр.

— Я на тебя в профсоюз пожалуюсь, — ответил Коля, — работать в воскресенье запрещено.

— Тону! — отвечал негр, выходя еще раз.

— Врешь, снимаешься, — ответил Коля и начал быстро одеваться.

Он знал, что если кто-то играет, то значит, где-то стоит кино-аппарат.

А купаться в чужих африканских прудах в Лос-Анжелосе запрещается.

Но аппарата не было видно.
И негр больше не показывался.
Тогда Колю взяло сомнение.
Он вздохнул и нырнул в воду.

„Если окажусь в дураках, — думал он, — буду драться“.

С открытыми глазами плыл он в зеленой воде.
Что-то черное на дне.

Коля зацепил черное рукой — волосы!

Через полминуты он вытащил на берег негритенка.
Негритенок уже не дышал.

Коля начал приводить черного мальчишку в чувство.

Делал ему искусственное дыхание, растирал шерстяной шапкой.

Негритенок начал приходить в себя.

— Здорово, — сказал он, — спасибо. А почему ты не сразу меня вытащил?

— Ну, — отвечал Коля, — знаешь, кто поверит, что в Лос-Анжелосе негр тонет в африканском пруду не для съемки?

— Дурак, — отвечал негр, — а разве ты когда-нибудь видел, чтобы кто-нибудь тонул на съемке 100 метров?

Коле стало стыдно.

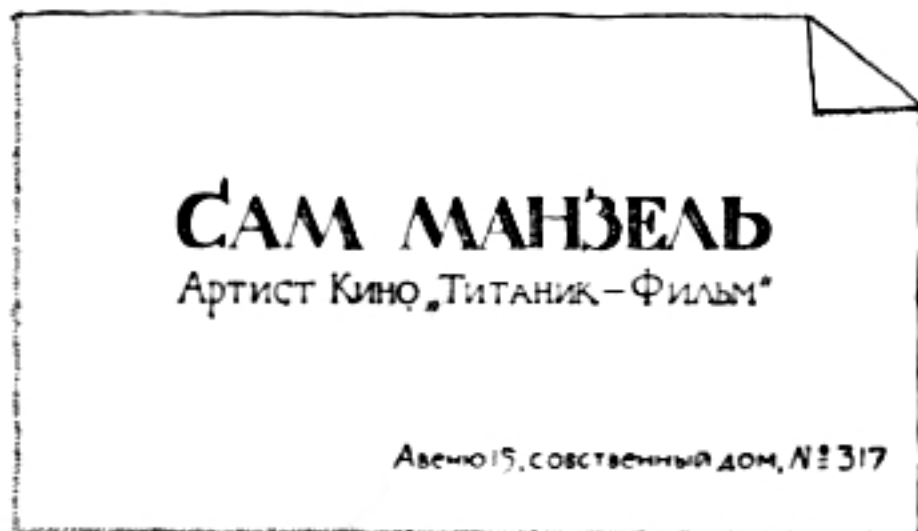
Мальчишки посидели еще на солнце.

Коля выкупался, негритенок отдышался.

Потом они оба оделись и решили идти домой.

— Как тебя зовут? — спросил Коля.

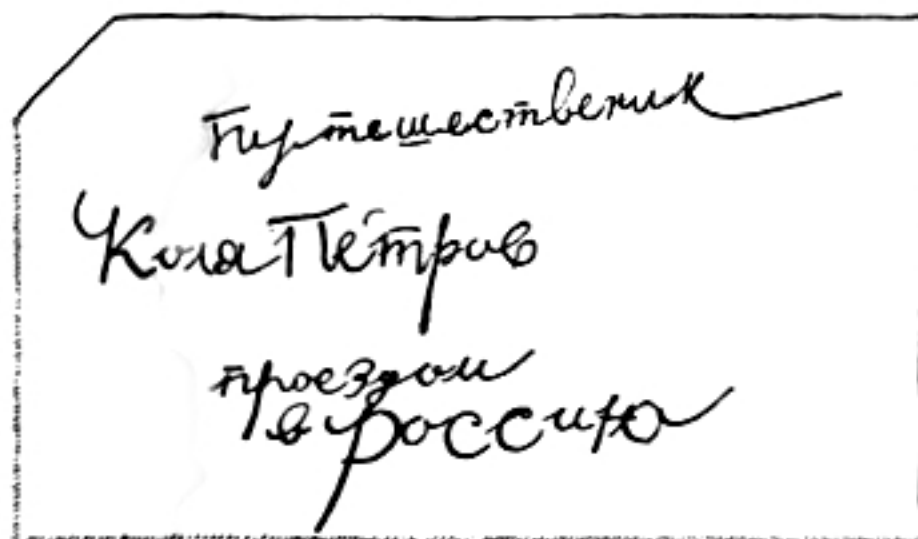
Негритенок вытащил из кармана визитную карточку, на ней стояло:

Коля прочел с уважением.

— А ваша карточка? — спросил Манзель.

Коля вынул карандаш и написал на обороте карточки Манзеля:

— Сберегите, — сказал он, отдавая карточку Саму, — это большая редкость...

Собственный дом Сама был больше ящика от рояля, но меньше ящика от аэроплана. Первая комната — гостиная — была вся увешана снимками Сама в разных видах.

Дверь в глубине комнаты была оклеена плакатами.

На плакате изображалось, как Сам висит на флаге, на высоте 32-этажного дома.

— Что, страшно было? — спросил Коля, проникаясь уважением к своему новому товарищу.

Сам засмеялся.

— Я покажу тебе снимки, сделанные сбоку, — сказал он.

Коля увидел, что на крыше дома была сделана особая постройка, а под Самом висела сетка.

Но на фильме этого, конечно, не было видно.

— Ты зеленый, — продолжал Сам, — хочешь я тебе покажу, как по потолку ходят?

Коля заинтересовался.

Сам в один момент очистил пол комнаты, разостлал на нем скатерть, снял электрическую лампу с потолка, поставил ее на пол, перевернул на стене вверх ногами картины.

— Шкаф тоже нужно перевернуть, — сказал он, — но ты это себе представь. А теперь снимай меня сверху, и тебе будет казаться, что я хожу по потолку.

В это время вошла хорошо одетая негритянка.

— В чем дело? — спросила она.

— Я показываю товарищу кино-трюки, — сказал он. Скоро сели за стол.

Обедали довольно хорошо, и здесь Коля в первый раз в Лос-Анжелосе увидел землянику не через загородку.

За столом все время разговор шел о кино.

Мать Сама жаловалась, что выходят из моды картины, в которых занято много людей.

— Скоро пойдет сокращение штатов, — говорила она.

— Вот слонов вызывают по объявлению для съемок, а негры никому не нужны.

— А у вас в России живут негры? — спросила она. — Их там в университет принимают?

— У нас совсем нет негров, — сказал Коля.

— Ну, конечно, у вас так холодно, — сказала негритянка, — что у вас не могут жить настоящие люди.

— Послушай, Сам, — спросил Коля, чтобы переменить разговор, — а ты умеешь прыгать с дома на дом?

— Видишь ли, — сказал Сам, — конечно, я умею прыгать, но не с дома на дом, а с ящика на ящик. У нас это делают так. За ящиками протянут черный бархат, который не выходит на негативе, так как не отбрасывает света, потом ленту поворачивают назад и снимают на нее дом или деревья.

Можно снять так аккуратно, что один снимок попадет на другой и получится, что ты перепрыгнул на страшной высоте.

Важно только, чтоб снимки совпали.

— Теперь, — сказала негритянка, — публика больше не любит таких снимков. Публика научилась отличать фотографический трюк от настоящего. Она требует, чтобы все делали всерьез.

Один актер даже до того дошел, что в воздухе с одного аэроплана перескакивал на другой, а с третьего аэроплана все это снимали.

Жаль беднягу! Четыре раза ему удалось это сделать, а на пятый сорвался.

— Ну, и что? — спросил Коля.

— Ну, и показывала его фирма новую боевую фильму:

СТРАШНАЯ ГИБЕЛЬ АРТИСТА НАШЕЙ ТРУППЫ

— У них не пропадет.

Коля попросил Сама, чтобы тот устроил его все-таки на съемку.

— Самушка, — сказал он, — я, право, не боюсь, я ничего не боюсь, я с пяти лет обстрелянный, а мне деньги нужно заработать, я в Россию ехать хочу и по Питеру соскучился, а дела у нас, говорят, одно слово — жара. Сам обещал.

— У нас как раз к съемке блондины нужны твоего возраста.

К вечеру мальчики пошли к помощнику режиссера.

Тот посмотрел на Колю и сказал:

— Национальность?

— Русский.

— Возраст?

— Тринадцать лет.

— Тигра боишься?

— Встречать не встречал, но бояться не боюсь.

— Ну, будете завтра сниматься с тигром вместе, только не бойтесь — он будет за решеткой.

Коля довольный пошел опять к Саму.

Спал спокойно, тигра во сне не видел, а снилось ему, что он прыгает на фоне черного бархата.

тром Сам и Коля встали рано.

Коля волновался: его мечта осуществлялась, сегодня его снимут.

Сам тоже волновался: он боялся тигра.

Тигр, конечно, за сеткой, которая поставлена так, что она не выходит на снимке, а все-таки страшно.

Хотя кинематографический актер, если он хочет есть каждый день, не должен ничего бояться.

— Знаешь, — рассказывал Сам, — двое кинематографических съемщиков поехали делать снимки в Африку.

Съемки часто делают сразу двумя, тремя аппаратами, чтобы обеспечить себя на случай неудачи.

Заехали съемщики в самую середину черной Африки, прямо куда-нибудь к моим прадедушкам и прабабушкам.

Там и сейчас водятся носороги.

Начали снимать носорога, а он-то бежит.

И не от аппарата, а на аппарат.

Съемщики все снимают и снимают.

Носорог все ближе и ближе. А они все снимают.

Тут носорог рассердился да прямо рогом и разбил его вместе с треногой.

Так что ты думаешь? Соседний съемщик не испугался и снял, как носорог ломает все в щепки и как бежит от него первый съемщик в испуге.

Был и другой случай.

Решили сделать большую фильму по сценарию Джека Лондона.

Действие должно было происходить на Маркизовых островах.

Значит, лучше всего и снимки сделать на Маркизовых островах.

А эти острова находятся посредине Тихого Океана, и жители на них — людоеды.

Послала фирма к людоедам комиссионера. Тот, человек опытный, приехал и уговорил людоедского вождя сниматься (вместе со всем своим племенем) в кинематографе.

Заплатил ему комиссионер медными гвоздями и ситцем.

Подписали контракт.

Все довольны.

Едут сниматься на Маркизовы острова и, конечно, с собой везут два аппарата.

А там берег крутой, скалистый, высадиться можно только на шлюпках, да и то нужно ждать, пока волна поднимет лодку, и тут прыгать.

Пароход же, конечно, к такому берегу подойти не может и стоит вдалеке.

Ну, на лодках и добрались.

Приехали, выпрыгнули вместе с аппаратами.

Установили треноги. Погода прекрасная.

Глядят — идут дикие. Да не идут, а скачут, в барабаны бьют, дубинками машут.

— Превосходные актеры эти дикари, — говорит один оператор другому.

И оба уже снимают.

Снимают оба внимательно, ручку вертят.

А дикари в них камнями, стрелами.

— Товарищ, — говорит второй оператор первому, — приготовьте револьвер.

А дикие так и скачут и бросают копья.

Попали они одному съемщику в ногу.

Тогда тот начал стрелять левой рукой, а правой все крутит ручку.

И его товарищ тоже.

— Ну, а чем кончилось? — спросил Коля.

— Убили одного, — ответил Сам, — а другой так-таки отбил, да еще все снял.

Виноват же во всем был комиссионер: он подсунул дикарям гнилой ситец, а они и обиделись.

Так, разговаривая, мальчики дошли до места съемки.

Фирма, у которой служил Сам, имела за городом участок земли в 18.000 акров.

Здесь были разведены рощи из всевозможных деревьев, сделаны пруды, водились всякие звери, начиная с крокодилов, кончая белым медведем, который жил в особой клетке с холодильником.

Коля и Сам шли по заброшенным улицам, представляющим древне-германские города, Рим, Париж; все это было построено из фанеры и, к удивлению Коли, ярко окрашено.

— Послушай, — спросил он Сама, — ведь на фильме все равно выходит только белый и черный цвет, так для чего же раскрашивают декорации?

— Я и сам не понимаю, — ответил Сам, — но мне объясняли, что больше всего на фотографическую пленку влияет фиолетовый свет и что, благодаря раскраске, декорации выходят отчетливей и красивей.

Впрочем, я и сам порядком не знаю — я не режиссер, мое дело сниматься да смотреть, чтобы мне заплатили.

КОЛЯ С БОМБОЙ

Весь день Коля метался, как угорелый.

В Режиссер кричал „приготовьтесь“, потом „снимаю“, давал сигналы рожком, ругался, кричал „смотрите вправо“, „бегите влево“.

Кино-операторы вертели ручки аппаратов.

К полдню Коля чувствовал, что он весь в поту. Он решил, что легче не только торговать газетами, но даже пасти собак, если бы только такая работа существовала.

Но к этому времени статистам сказали, что они могут отдохнуть. Коля закурил папиросу.

Режиссер вызвал Сама, велел ему одеться в шкуру леопарда, взять маленький лук и стрелы и сесть у порога бамбуковой негритянской хижины.

Коля понял, что тигр должен будет напасть на Сама, а высокий актер в пробковом шлеме должен спасти Сама, а тигра убить.

Сам волновался.

Он должен был сейчас играть, как говорят в кинематографах, „в крупном плане“.

Он был доволен, хотя тигр почему-то его беспокоил.

Всего вероятней, что он напугал себя сам, пугая Колю страшными рассказами о кино.

Коля же сейчас только завидовал Саму.

— А как заставят играть тигра? — спросил Коля у соседки, которая в это время ела бутерброд и зажигала зажигалку для папиросы соседа.

Соседка проглотила кусок и ответила:

— Тигр, конечно, не играет, но его снимают несколько раз и выбирают момент, когда движение совпадает с тем, которое нужно по пьесе. Это уж дело ловкости оператора.

В некоторых же сценах принимает участие дрессировщик, который заставлял тигра прыгать, бороться с ним и т. д.

Иногда же в отдельные моменты заменяют живого зверя чучелом.

— Снимаю! — закричал в этот момент режиссер.

Сам играл хорошо: он ходил перед своей хижинкой, стрелял из лука, пил воду из плоской глиняной чашки, разговаривал с белым человеком и все это делал в поле съемки, не выходя из него и не подходя в то же время слишком близко к аппарату.

Уже было заснято две или три сцены в общей сложности на 8 минут.

Между тем привели молодую белую лошадь. Она должна была также сняться в этой сцене.

— Приготовьтесь! — закричал режиссер.

Операторы завертели ручкой.

И вот за сеткой появился тигр.

Он шел мягкой походкой, хорошо знакомой Коле по кинематографу.

Казалось, ему просто скучно, и он сам себя уже видел в фильме раз сто двадцать.

Он подошел к сетке и спокойно посмотрел на актеров.

Всем стало как-то не по себе.

Лошадь заржала пронзительно и отчаянно и стала рваться с привязи.

Тигр присел, и вдруг совершилось невероятное: одним прыжком он вскочил на самый верх высокой сетки.

Прыжок удался, но не совсем.

Тигр застрял на самом верху сетки, повис на ней и отчаянно рвал ее лапами.

В одно мгновение все опустело.

Актеры бежали с кинематографической быстротой в кинематографические горы и пещеры спасаться.

Лошадь вырвала кол, к которому была привязана, и неслась куда-то.

Операторы бежали, оставив аппараты на произвол судьбы.

Где-то уже кричали, свистели, звонили.

Остался только Коля с зажигалкой в руках, который ждал, пока побежит Сам, его верный друг и учитель в кинематографическом деле. А бедный Сам сидел в это время с маленьким луком в руках и с ужасом смотрел на тигра, застрявшего на решетке.

От страха Сам потерял способность двигаться.

А тигр рванулся еще раз и мягко упал на землю. Секунду он был неподвижен.

Сам пронзительно вскрикнул, вскочил, вбежал в бамбуковую хижину и захлопнул за собой дверь.

Тигр подошел к хижине и попробовал дверь лапой. Дверь не отворилась.

Тогда тигр вдруг пришел в ярость.

Он отбежал от хижины и прыгнул на нее огромным прыжком.

Бамбуковая стена спружинила и устояла, но связи ее разошлись, и Коля сообразил, что она не выдержит еще одного такого прыжка.

Тут ярость против людей, бросивших двух мальчиков на произвол судьбы одних с тигром, овладела им.

Внезапно он вспомнил и улицу Ленинграда, по которой, ежась, бежали люди с винтовками.

Вспомнил мать Сама и механика, который ударил его за то, что он курил рядом с открытой лентой.

Коля встал и, ежась, подбежал к аппарату, держа в руке газету, в которой были завернуты бутерброды его соседки.

Тигр смотрел на него и на бамбуковую дверь одновременно.

Казалось, он выбирает, куда броситься.

Коля открыл коробку с приготовленной для съемки негативной лентой, обернул ее в газету, зажег край газеты и бросил сверток, как бомбу, в тигра.

Громадный двухсаженный язык пламени охватил зверя.

Он завизжал жалобно и злобно, как кошка, наступившая на горячий уголь и, весь в дыму, прыжками бросился в сторону.

Хижина загорелась, из нее с воплем навстречу Коле выскочил Сам, который видел все через щели стены.

Мальчики схватили друг друга за руки и побежали.

Но уже свистели, кричали, бежали с ружьями, с сетями, с раскаленными прутьями. На автомобиле промчался пожарный насос.

Рошу, в которую ушел обожженный тигр, оцепили.

Хижина догорала бледным пламенем.

Коля и Сам на бегу натолкнулись на возвращающегося режиссера.

— Вы храбрый человек и верный товарищ, — сказал режиссер, обращаясь к Коле.

— И вы придумали ловкую кинематографическую шутку с этим тигром.

— А вы не сняли, эх, ворона! — прибавил он, обращаясь к оператору.

— Мы бежали вместе, мистер, — возражал, смеясь, тот.

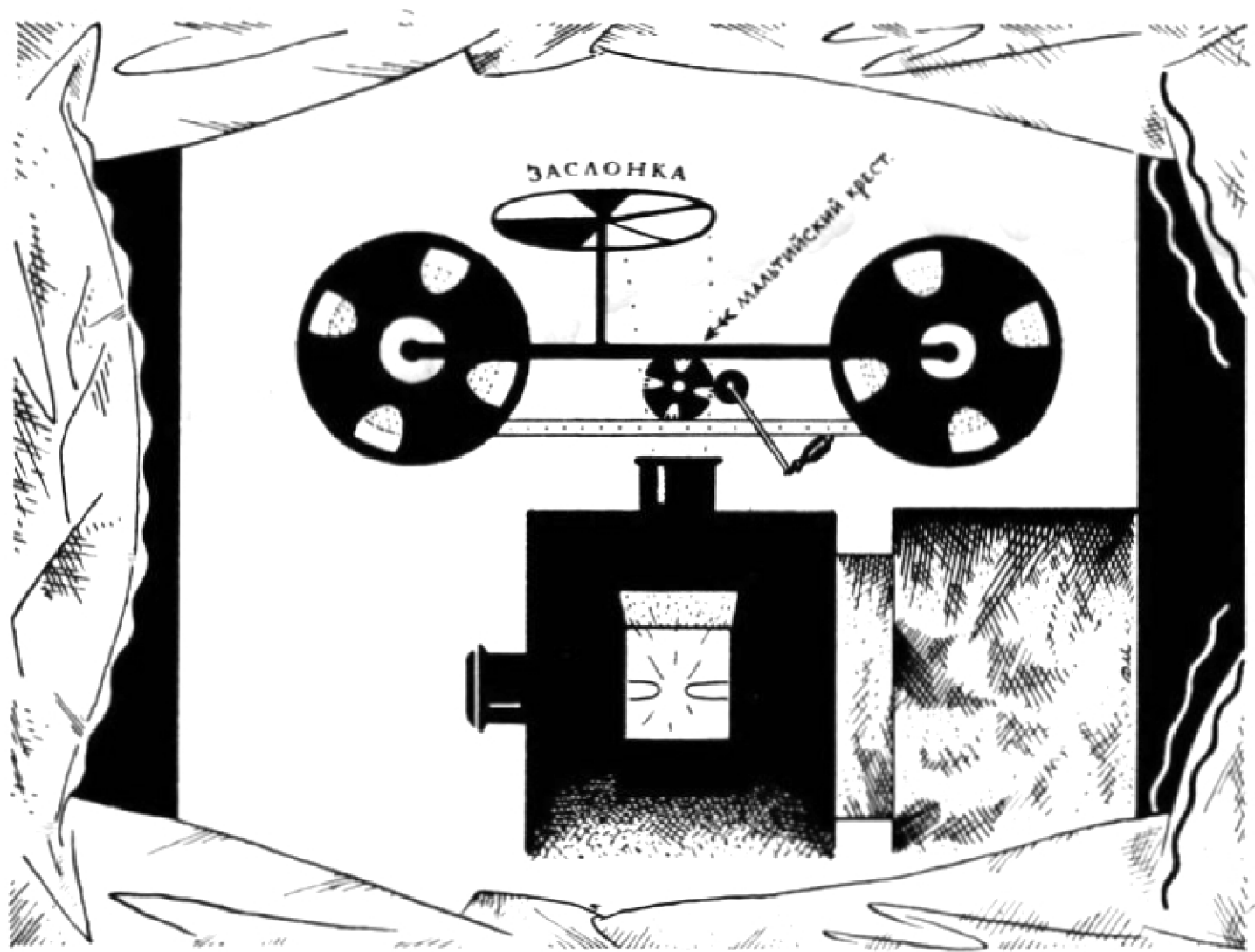
— Ну, ничего, — сказал режиссер, — мы об этом напечатает в газете, и это все же реклама для фильма.

— А вас, — сказал он, снова обращаясь к Коле, — я считаю своим актером: кино нуждается в храбрых людях.

— Я домой поеду, — отвечал ему Коля по-русски, — как только деньги заработаю. Не хочу я видеть, как тигров людьми кормят, а храбрые люди в Советской России нужны.

Но американец его не понял, потому что по-русски не говорил.

Цена 1 р. 45 к.

Адрес Издательства (Правление):

Москва, Кузнецкий Мост, 13

Адрес магазина:

Москва, Столешников пер., 5

Центральный Книжный Склад:

Москва, Лубянский Пассаж, помещ. №№ 25-30

Северо-Западное Отделение:

Ленинград, Проспект 25 Октября, 13

Украинское Отделение:

Харьков, Ул. Карла Либкнехта, 15

Каталоги по требованию — бесплатно

Scriptorium

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.